

Время, проведенное перед игрой, прошло довольно быстро, и за это время произошло всего несколько примечательных событий. Самым неприятным из них, безусловно, стало появление семьи Малфой. Выслушав насмешки Драко в течение примерно полуминуты, Гарри с трудом сдерживался, чтобы не проявить хоть какие-то признаки реакции. Хорошо, что он до сих пор не чувствовал, как через него течет магия, так как у него было сильное искушение ударить блондина сверхсильным болтом (или настолько сильным, насколько он мог его сделать).

К счастью, Малфои сидели прямо перед ними. Гарри и близнецы по очереди тыкали Драко в затылок, когда родители светловолосого мальчика не видели. Гарри поначалу осторожничал, но потом прислушался к доводам близнецов. Он был вынужден признать, что в их словах есть доля правды: Драко не мог остановить их, не привлекая к себе внимания, а это не самая лучшая идея в таком месте. К сожалению, молодой блондин быстро научился сидеть чуть поодаль от спинки своего кресла, пробормотав при этом несколько крепких слов.

Гарри также заметил, что иностранные министры магии смотрят на него после того, как Фадж что-то им прошептал. Гарри проигнорировал ревность, которая вернулась на лицо Рона (хотя он незаметно высунул язык в сторону Драко, когда заметил, как выражение лица молодого блондина исказилось от гнева). Гарри не виноват в том, что стал знаменитым, о чем он не раз говорил своему рыжеволосому другу.

Следующим (и последним) интересным событием стало то, что Гарри обернулся и увидел расстроенного домового эльфа, закрывшего лицо руками. Гарри быстро произнёс имя Добби, гадая, тот ли это эльф, которого он встречал много лет назад.

Глаза Гермионы и Рона расширились от любопытства, и они с бешеной скоростью обернулись, как и Драко (хотя его глаза расширились от ужаса). Как оказалось, эльф не был Добби. Ее звали Винки, и она принадлежала мистеру Краучу. Она освобождала место для своего хозяина, что, похоже, не очень нравилось Гермионе. Было ясно, что она смертельно боится высоты.

Гарри, Гермиона и Уизли теперь сидели на своих местах в нетерпеливом ожидании. Через некоторое время министр Фадж, сидевший на самом переднем и центральном месте ложи, встал вместе с мистером Бэгменом и подошел к краю ложи. Бодро кивнув в сторону Фаджа, Бэгмен прочистил горло и прошептал "Сонорус".

Записывающие орбы увеличили изображение на верхней коробке, а именно на Бэгмене. Он помахал рукой, и толпа взревела от восторга. Когда толпа немного успокоилась, бывший избиватель начал обращаться к ним.

"Леди и джентльмены, позвольте мне поприветствовать вас на четыреста двадцать втором Кубке мира по квиддичу!" Толпа снова заревела, и тысячи флагов были подняты в воздух.

"А теперь - болгарские талисманы!" - проревел Бэгмен, и внезапная тишина (настолько тихая, насколько это возможно для ста тысяч ведьм и волшебников) окутала стадион. Гарри повернул голову к стеклу с записью и замер.

Это самые красивые женщины, которых я когда-либо видел.

Несколько секунд Гарри чувствовал легкое притяжение, глядя на них. Он чувствовал, как в его теле нарастают эмоции, которые он не хотел испытывать на глазах у всех остальных. Этого осознания было достаточно, чтобы Гарри вышел из оцепенения.

К сожалению, у Гарри начала болеть голова. Приложив руку ко лбу, Гарри оглядел ложе и проверил выражение лица каждого.

Если реакция всех остальных в верхней ложе что-то значила, то они переживали ту же борьбу, что и он, хотя и безуспешно. Глаза каждого из Уизли остекленели (хотя у мистера Уизли они были чуть меньше) и уперлись в стекло регистратора. То же самое можно было сказать и о других самцах в ложе, хотя оба самца Малфоев пытались (и безуспешно) этого не делать.

Женщины, находившиеся в верхней ложе, вели себя иначе, чем мужчины. Каждая из них хмурилась, глядя на прекрасных ведьм, танцующих на поле.

Вейла . ." Гарри услышал, как мистер Уизли пробормотал себе под нос.

Гарри с интересом наблюдал за вейлами, но не только из-за их внешности. Он пытался понять, что это за тянущее чувство, которое он испытывал. Некоторое время назад оно прошло, и теперь он мог отвести взгляд, если хотел. А вот остальные явно не могли. Более чем вероятно, что это было какое-то магическое воздействие, но он все равно хотел знать, почему на него оно не действует.

Или, может быть, на меня. Я ведь не отворачивался.

С единственной целью доказать, что он не прав, Гарри отвел взгляд.

После нескольких минут танца вейла поклонилась толпе, а затем отошла в сторону. Похоже, публике это не понравилось. Тысячи людей ревели в знак протеста, никто не хотел, чтобы веела уходила. Гарри в данный момент было все равно: он был слишком занят тем, что пытался унять головную боль (которая начинала возвращаться).

"Добро пожаловать... ирландские талисманы!"

То, что выглядело как крошечные и сверкающие зеленые метеоры, пронеслось по стадиону, а затем сформировало изображение в небе. Это был гигантский танцующий Лепреккон, как и каждая из отдельных зеленых точек. Они исполнили несколько быстрых ирландских танцев (с несколькими непристойными жестами), а затем пролетели над толпой и обрушили на зрителей денежный дождь.

"Отлично!" - прорычал Рон, с жадностью подбирая с пола как можно больше галлеонов.

"Это не излечит твою нищету, Проныра". Это золото лепреконов, оно исчезнет через несколько часов, - ехидно прошептал Драко. В отличие от этих, конечно. Он быстро достал из кармана дюжину или около того настоящих галеонов и незаметно помахал ими перед лицом Рона.

"Оставь это, Рональд", - сказала Гермиона, не давая рыжему выставить себя на посмешище. Убедившись, что он не сделает ничего подобного, она повернулась налево, где Гарри все еще потирал лоб: "Ты в порядке, Гарри?" Она оглядела их, затем повернулась обратно и прошептала: "У тебя болит шрам?"

"Нет, только голова болит". В начале лета он отправил ей и Рону письмо о том, что у него болит шрам, и даже упомянул сон о Волдемorte и старике. Он пожалел об этом почти сразу же. Они оба сразу же посоветовали ему рассказать обо всём Дамблдору, чего ему совсем не хотелось делать после того, как его третий год подряд возвращают к Дурслям.

К счастью, головная боль быстро прошла. Рон поднял голову и улыбнулся другу, проигнорировав восторженный вопль Рона, когда его называли Виктором Кrumом. Однако он присоединился к радостным возгласам, когда игра наконец началась. Приятно быть нормальным, даже если это происходит время от времени.

<http://tl.rulate.ru/book/102666/3549183>